КРОКОДИЛ

— Помолодел сразу на двадцать пять лет!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

МАЙ 1945

Ц. СОЛОДАРЬ

У СТЕН РЕЙХСТАГА

В Западном Берлине мне рассказали:

— Когда сюда из ФРГ приезжают личности, для которых господин фон Тадден, он же Адольф Второй, признанный вождь, они избегают навещать многие, как поется в опере, «знакомые, печальные места» и стараются не замечать некоторые «окрестные предметы»... Особенно не по нутру им вот этот «главный предмет».

И я увидел напоминающее эксгумированный труп здание бывшего рейхстага бывшего гитлеровского рейха.

Хотя фашистская Германия официально капитулировала 8 мая 1945 года, неонацисты считают самым траурным днем гитлеризма 30 апреля 1945 года — день, когда советские воины водрузили над рейхстагом Красное знамя Победы.

Видимо, так же оценил эту дату и Адольф Первый. Ведь именно в этот день он счел за благо отправиться в мир иной. А последний в своей жизни воинский смотр он сделал остаткам отборных частей, брошенных как раз на оборону рейхстага.

Взятие рейхстага оказалось, впрочем, не единственным «подарком», преподнесенным советскими войсками фюреру. Несколько раньше, 20 апреля, они «поздравили» Гитлера с днем рождения, вплотную подойдя к Берлину.

Многие сподвижники фон Таддена, неонацисты разных мастей и пород, видимо, постарались забыть, какими выразительными и недвусмысленными надписями был испещрен рейхстаг в майские дни сорок пятого.

Напомним: «Мечтали добить зверя в его Берлине — и добили», «Мы из колхоза «Рязань»; «Мы защищали Одессу, пришли в Берлин»; «Ржев — Рига — Варшава — Берлин»; «Волга — Берлин»; «Ленинград — Берлин»; «Москва — Берлин»... Коротко и ясно!

Настолько ясно, что, сделанные угольком, мелком, карандашиком, эти надписи оказались навсегда высеченными в истории, сколь старательно ни соскабливали бы их правители Западного Берлина.

Наше знамя над рейхстагом... Как водружалось оно?

В те дни в каждой роте 150-й стрелковой ордена Кутузова Идрицкой дивизии, которой командование поручило эту операцию, можно было услышать:

— Хотим первыми ворваться в главное звериное логово!

И вот в 22 часа 50 минут комбат Неустроев доложил командиру полка Зинченко, что сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария водрузили знамя на куполе рейхстага.

— На крыше снаряды рвутся,— обстоятельно описывал потом Егоров события того памятного вечера.— Мы стоим со знаменем и обдумываем, куда лучше его поставить. Держимся за железного коня, чтоб воздушной волной нас не снесло. В это время осколок ударил в самого коня и пробил ему брюхо... Воткнули древко в пробоину и стали спускаться вниз. Навстречу бежит боец. «Знамя видно только с одной стороны,— кричит он,— снизу получается, что держит его в руках верховой, который на железном коне сидит. Меня послали переставить знамя!» «Нет, шутишь,— говорим ему,— за советы спасибо, а знамя уж сами поправим».

И поправили. Надежно, аккуратно. Правда, пришлось снова подняться по раскаленным стальным ребрам бывшей крыши над зияющей многоэтажной пропастью.

А спустя несколько часов началось форменное паломничество наших воинов в рейхстаг. В те дни полевая почта унесла из Берлина не одну сотню писем, начинавшихся приблизительно так: «Пишу, дорогая, из рейхстага».

С легкой руки певицы Лидии Руслановой ступени рейхстага стали популярными подмостками для праздничных концертов. А когда военные корреспонденты решили собраться 5 мая, в День печати, в Берлине, то и без специального указания все знали: сбор у рейхстага! Во время группового фотографирования то и дело слышались тревожные возгласы:

— А его тоже видно?

Имелся в виду купол зловещего здания.

...В ночь на 9 мая закончилось то, что в корреспондентских пропусках именовалось «особым мероприятием командования». Расшифруем: это был акт подписания полной и безоговорочной капитуляции сухопутных, воздушных и морских военных сил гитлеровского рейха.

Возглавлял опечаленных посланцев гитлеризма фельдмаршал Кейтель, небезосновательно прозванный своими подчиненными Лакейтелем. Председательствующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков так провел церемонию подписания акта, что начисто лишил Лакейтеля возможности последний раз в жизни по-актерски поиграть фельдмаршальским жезлом. А этого так страстно хотелось руководителю верховного штаба Гитлера!

Пузыреобразный спутник Кейтеля генерал-полковник Штумпф всего несколько дней назад сменил Геринга, драпанувшего от любимого фюрера к американцам, на посту главнокомандующего уже почти не существовавшими военно-воздушными силами фашистской Германии. А причастность тощего генерал-адмирала Фридебурга к морю символизировалась не столько его адмиральским мундиром, сколько необычайным сходством с выброшенной на берег рыбой.

На рассвете через пункт войсковой связи под сугубо мирным названием «Кудель» я получил подтверждение из Москвы, что корреспонденция о последней странице войны редакцией получена. Пришло время покинуть двухэтажный дом столовой военно-инженерного училища в Карлхорсте, где высшие гитлеровские военачальники собственноручными подписями зафиксировали крах третьего рейха.

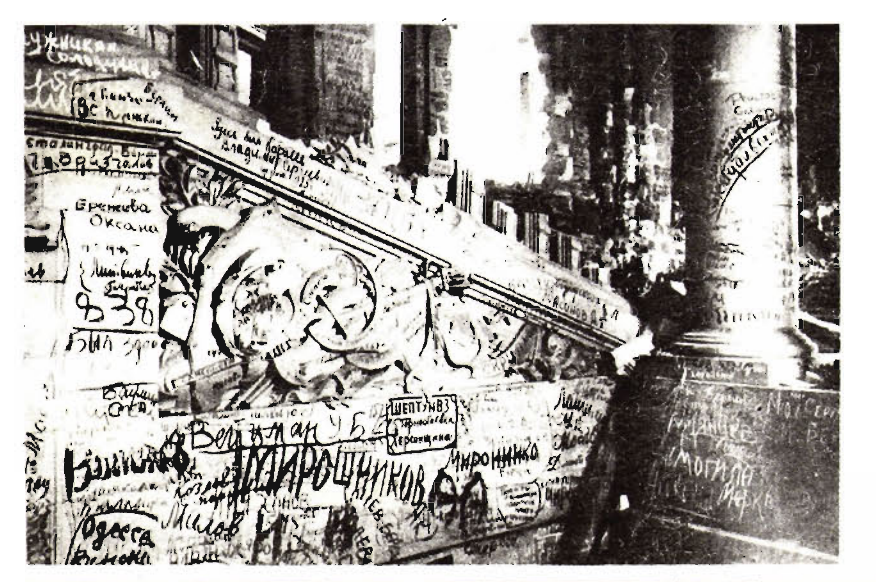
У двери стоял на посту молодой военный моряк Днепровской флотилии. В нарушение устава он широко улыбнулся:

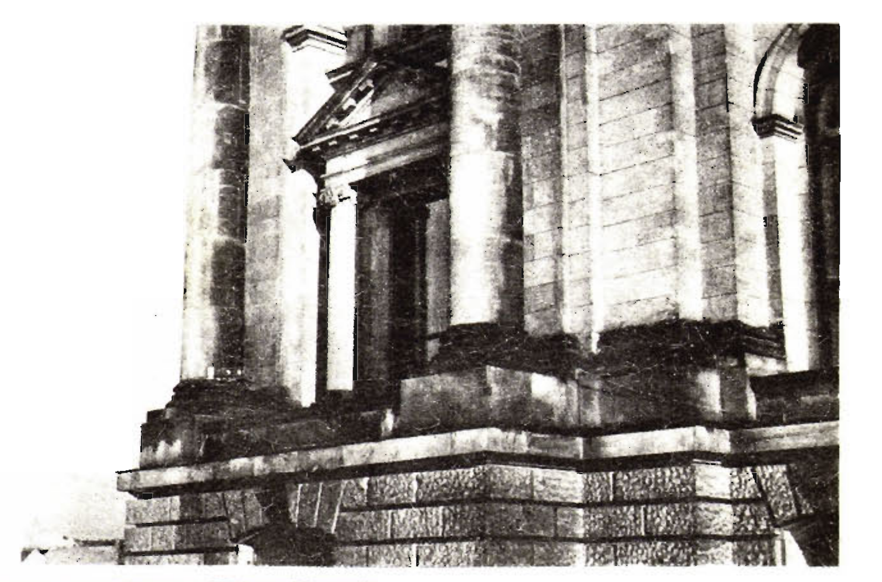
— Значит, товарищ майор, гитлерам полный капут?

Усугубляя нарушение устава, я обнял днепровца.

Улица встретила меня привычным в последние дни запахом гари и сирени. Но сейчас явное преимущество было уже на стороне цветов. Доносилась веселая трель баяна и звонкая частушка:

От фашистов там и тут
Мы слыхали «Ой капут!».
Была капутиляция —
Пришла капитуляция!





Стены рейхстага. 1945. Фото Е. ХАЛДЕЯ

Стены рейхстага. 1970. Фото И. СЕМЕНОВА

Все чисто, все побелено
Тихонечко, без паники...
Но надписи
победные
Не вычеркнешь
из памяти.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Леонид ЛИХОДЕЕВ

ОБ ИСТОРИИ

Теперь это уже, конечно, история, а в свое время она коснулась и нашей роты.

Говорят, в то время хозяева берлинских отелей сдавали номера окнами на центральные улицы по повышенным ценам. Чтобы получить пользу от торжественного возвращения германских победителей из России.

Наши ребята ничего этого в тот период не знали. Они както не задумывались о подобных глупостях. Они имели дело с беспощадной смертью. Фашисты наседали, веселиться нам было не с чего. Но все-таки в действиях врага содержался повод для смеха: враг был хвастлив.

Возможно, свойство хвастовства в том и состоит, чтобы не устрашать, а смешить... Фюрер был хвастлив настолько, что даже в самые тяжелые минуты у наших парней хватало сил улыбнуться и произнести святые слова: «Накося, выкуси».

Говорят, церемония «московских торжеств» была расписана заранее. Как, мол, будет происходить в этом городе парад победоносного вермахта. Проекты попадали к нам в виде листовок. А наши ротные юмористы изображали Гитлера в виде мыльного пузыря с усиками и челкой. Сходство было полное.

Говорят, в фашистских газетах было оставлено место для экстренного сообщения о взятии Москвы. Говорят, был готов даже текст. Что-то вроде: «Солдаты! Москва — это конец войны!»

Мы тоже мечтали о конце войны, но с некоторыми географическими расхождениями. Наши ребята знали, что конец войны — это, наоборот, Берлин...

Говорят, в то время возле уличных берлинских громкоговорителей толклось население, ожидая с минуты на минуту сообщения о том, что Москва пала. Сообщение это считалось чистой формальностью. Просто хотелось услышать собственными ушами то, что было и так известно. Просто было интересно, как это прозвучит в художественном исполнении.

А в это самое время немецкий завоеватель невысокого ранга писал в дневнике: «О сладкие, обольщающие надежды! Действительность оказалась совсем иной...» Из этой записи можно сделать вывод, что в околах не строят иллюзий и там рождаются слова, которые не попадают в уличные громкоговорители.

Сверхстратегам казалось, что история — это девочка из батальона связи: что ей прикажешь, то она и зафиксирует. В крайнем случае на нее можно будет потопать ногами. Или сказать, что ошибки наделала история по своему легкомыслию. Мы, мол, ей указывали, а она вот своевольничала. Обратите внимание на ее упрямство! Наделает ошибок — и не признает. Удивительно! И даже как-то нахально с ее стороны!

На историю топать ногами бесполезно.

Ее пробуют уламывать:

— Пардон, мол, мадам, битте, сознайтесь, что в данном вопросе вы слегка накуролесили... В данном вопросе вы несколько отклонились от проектного задания. Вам было сказано одержать победу, а вы одержали поражение. Смотрите, мадам, какие прекрасные реляции были сочинены и как грубо вы с ними обошлись. Во всех мемуарах теперь печатают предначертания фюрера — как и что должно было происходить. А оно не произошло. Хорошо ли это, мадам! Вы должны были бы понять, что завоевателю гораздо приятнее ездить на белом коне, чем на палочке верхом...

Мадам История сидит в шляпке, не снимая перчаток, кофий пьет, пальчик оттопырила для красоты.

— Мне,— говорит,— ваши реляции на обтирку каблуков после хождения по вашим мемуарам и то не годятся.

Теперь все это, конечно, история. А в свое время она коснулась нашей роты. И кажется мне сегодня, что моталась с нами История в самом пекле, и кричала криком, и стонала стоном, и бодрила смехом:

— Брешет он, ребята, брешет, вражина! Не будет по его!

И, как всегда, оказалась права.

Этот фронтовой плакат художника С. Зуськова был издан в первые дни Великой Отечественной войны. Как видим, художник попытался представить себе конец Гитлера и фашизма.

А совсем недавно стало известно, что и сам Гитлер, правда, не в начале, а в конце войны говорил: «Если мы попадем в плен, нас выставят в клетке в московском зоопарке».

Впрочем, самому фюреру удалось избежать звериной клетки: ее заменила порция крысиного яда. Но, когда наступил час возмездия и главари нацистов сели на скамью подсудимых, идея клетки возникла еще раз: в Нюрнберг со всех концов земли посыпались письма с предложением поместить преступников в клетку и возить их по городам мира в назидание человечеству.

Нынешним неонацистам надо бы почаще вспоминать об этой идее, возникавшей в разное время с таким постоянством...

МАРШАЛ И ИСКУССТВО

Когда весной 1945 года советскими войсками были найдены сокровища Дрезденской картинной галереи и выяснилось, что для их спасения требовались немедленные меры, возник вопрос, каким путем — по воздуху или железной дорогой — эти сокровища должны быть эвакуированы в безопасное место. Командующий советскими воздушными силами выступал за отправку картин на самолетах. Маршал И. С. Конев, командующий войсками на этом участке, был другого мнения. Железную дорогу он считал более подходящим средством транспортировки. Железная дорога, заявил он, более безопасна. Он нисколько не сомневается в надежности воздушного транспорта, но все же...

Командующий воздушными силами покачал головой:

— Я вас не понимаю, товарищ маршал, вы сами много раз летали на наших машинах и всегда благополучно приземлялись!

— Верно,— сказал Конев,— но то было совсем другое дело. Здесь же речь идет о Рембрандте и Тициане.

Ульрих ШПАЙТЕЛЬ.

Перевод с немецкого.

Владимир ПОЛЯКОВ

ПРОВАЛ ПРЕМЬЕРЫ

Под соснами, близ коновязи, собралось около двадцати кавалеристов из части Швидко.

Дни были невеселые, радостных событий на фронте не происходило. Мы бездействовали и ждали приказа о наступлении. Пахло весной, снег растаял, по лужам бегали солнечные зайчики.

Близилось Первое мая. И мы твердо решили его отпраздновать. Программа была ясна: маленький доклад, дуэт наших баянистов, «Засвистали козаченьки» и «Мы — красная кавалерия» в исполнении лучших певцов-конников, а потом чечетка в исполнении младшего сержанта Сатунова.

И вдруг лейтенант Крапивин сказал:

— Братцы, а что если мы поставим спектакль? Небольшой спектакль минут на пятнадцать—двадцать. С нами корреспондент газеты, писатель. Пусть он напишет сатирическую пьесу из жизни Гитлера и Геббельса, а мы ее сыграем.

Идея всем понравилась.

— Напишешь? — спросил меня лейтенант.

— Раз нужно, придется написать,— сказал я.

— Даем день сроку.

И я сел за работу. Не скажу, что создал шедевр, но получилась довольно смешная сценка под названием «Гады».

Наступил час распределения ролей. Никто не хотел играть ни Гитлера, ни Геббельса.

— Товарищи,— сказал лейтенант,— как это никто не хочет? Это же политическое дело. Надо играть. Мирошников — смешной человек и притом маленького роста, он у нас будет Геббельсом. А Гитлера изобразит Никитин. У него визгливый голос. Это пойдет.

— Не хочу я этого гада изображать,— сказал старшина Никитин,— душа у меня не лежит.

— Вот и сыграешь. Всю свою ненависть в исполнение роли вложишь.

В общем, уговорили.

И наступил день Первого мая. По всему чувствовалось, что вот-вот придет приказ и пойдем в бой, но на фронте было затишье, и для празднования мы подыскали открытую поляну. С утра шел дождь, но к двенадцати часам перестал, и можно было начинать торжественное заседание.

У пня президиума сидели командир, начальник политотдела и наши лучшие конники. А вокруг расселись на траве бойцы и командиры. Начальник политотдела произнес небольшую, но волнующую речь, закончив ее словами: «Да здравствует Первое мая! Смерть немецким оккупантам!»

Мы все крикнули «ура» и спели «Интернационал». А затем началась художественная часть. С успехом отыграли баянисты, квинтет разведчиков спел свои песни, младший сержант Сатунов в кузове грузовой машины исполнил лихую чечетку, и конферансье лейтенант Крапивин объявил:

— «Гады» — пьеса в одном действии. События происходят в Берлине. В главных ролях: Гитлер — старшина Никитин, Геббельс — сержант Мирошников. Музыка композитора Чайковского. Даю занавес.

Никакого занавеса, конечно, не было, а просто на поляну выходит Никитин в немецкой форме, с тремя железными крестами, на голове генеральская фуражка, из-под нее выпущен чубчик и углем нарисованы усики. И тут наши баянисты начинают играть арию Ленского из оперы «Евгений Онегин», и Гитлер противным голосом поет: «Что день грядущий мне готовит?»

И при этих его словах из кустов появляется на кривых ногах Коля Мирошников. Он тоже в немецкой форме, с какими-то трофейными медалями, в офицерской фуражке. И говорит:

— Ничего хорошего грядущий день нам не готовит.

— Варум? — спрашивает фюрер.

— Дарум,— отвечает Геббельс.— Потому, что скоро вступит в бой кавалерийская часть товарища Швидко. А это геройская часть, и они будут драться, как львы, по-нашему «ди леве».

— Ты врешь, проклятый Геббельс! — закричал Гитлер.

— Ах ты мерзавец! — закричал Геббельс.— Сейчас ты схлопочешь по морде!

— Товарищи! Нет таких слов в пьесе! — закричал я.

— Не имеет значения,— сказал Геббельс.— Я говорю то, что думаю. Он мерзавец и негодяй. Правильно я говорю?

— Правильно! — закричали в «зрительном зале».— Дай ему!

— И дам! — сказал Геббельс. И ударил Гитлера так, что тот еле устоял на ногах.

— Ах, ты сволочь! — закричал Гитлер.— Да я от тебя мокрого места не оставлю, паразит! — И ударил Геббельса по физиономии.

— Товарищи, товарищи! — закричал политрук.— Прекратите драку!

— Да не могу я на эти усы смотреть спокойно! — закричал Геббельс.— Я этому Гитлеру весь его портрет изувечу!

— Да я же не Гитлер, я Никитин. Имей совесть!

И Никитин схватил Мирошникова за шиворот.

В «зале» начался хохот. Больше всех хохотал командир дивизии.

— Товарищ генерал! — закричал Никитин.— Не могу я этого подлеца играть. Давайте мне лучше наряд вне очереди!

— А я могу? — тут же взмолился и Мирошников.— Не желаю изображать эту хромоногую шимпанзе! Не могу его слова говорить! Уж вы извините меня, товарищ корреспондент.

— Все ясно,— сказал командир дивизии.— Давайте лучше кавалерийскую.

И Коваленко запел: «Мы — красная кавалерия, и про нас былинники речистые ведут рассказ...»

Песню подхватила вся дивизия.

А Никитин и Мирошников срывали с себя фашистские мундиры.

А я единственный раз в жизни не был расстроен оглушительным провалом своей премьеры.

Михаил ЭДЕЛЬ

СБЕГАЛ В АТАКУ...

В годы войны на страницах «Крокодила» печатались рассказы и фельетоны, подписанные: «Майор М. Эдель. Действующая армия».

Мой отец, ныне покойный писатель Михаил Владимирович Эдель, служил в газете Волховского фронта, но связи с родным журналом не порывал.

Разбирая архив отца, я нашел в записной книжке тех лет короткую запись: «П. Шубин и А. Западов. Ефрейтор Черных сбегал в атаку». Позднее я нашел и неопубликованный рассказ, расшифровывающий эту лаконичную запись.

Эр. ЭДЕЛЬ

Волховский фронт. Лесисто-болотистая местность. Район Поречья близ Мги.

Только что закончился бой «местного значения», вот-вот наступит ночь. Месим ногами мокрый снег. С белесого мартовского неба падает то ли снег, то ли дождь.

Мы — писатели фронтовой газеты Павел Шубин и я — мучительно решаем вечную для всех фронтовых корреспондентов задачу, где бы подзакусить и переночевать. Усталые, тащимся по лесу, превращенному снарядами в щепки.

Шубин предлагает искать литературоведа Александра Западова, начальника штаба артполка. По непроверенным сведениям, он уже вернулся после ранения из госпиталя.

О радость: натыкаемся на связистов!

— Где землянка начштаба?

— А тут недалеко. Метров триста по оврагу. И там ступеньки увидите...

Так просто объяснили, будто указали дорогу до ближайшего «Гастронома». Но как эти ступеньки увидеть, когда вообще ни черта не видать?!

Овраг, невиданно широкий и глубокий, настоящее горное ущелье. Ничего себе, триста метров! Да тут верных полтора километра! Хоть, слава богу, тихо. Вражеский обстрел не подгоняет.

Я присел на пенек, огляделся и — о чудо! — они, ступеньки! Теперь последнее испытание — надо их преодолеть. Фу-у! Вот и крошечная площадка перед входом. Мистика! Глазам своим не поверили. Мятый, побитый, но самовар! Настоящий, пузатый, медный! Ай да профессор! Самовар домовито пыхтел и дымил на весь фронт. Около этого непревзойденного творения человеческого гения солдат-связной орудовал сапогом, раздувал огонь. Но сырые еловые шишки лишь дымили.

Вваливаемся в землянку. Все как следует. Что-то вроде стола. Что-то вроде кровати. Что-то вроде лампы — из снарядной гильзы. А главное, Александр Васильевич собственной персоной. Голова его забинтована.

— Черт-те что! Рана открылась. В госпиталь не поеду, здесь долечусь... Располагайтесь, будем пить чай.

Прошло полчаса, чая не видно. Шубин с Западовым предались воспоминаниям. Я вышел из землянки. Меня очень занимало: справился ли солдат-связной с самоваром? Увы, сапог еще был в деле.

Вдруг вижу, кто-то поднимается по ступенькам. Вглядываюсь — не иначе к нам топает какой-то монумент, сошедший с постамента. Огромная фигура в гигантской плащ-палатке, в каске. Подходит. Великан с автоматом на шее. Робко склоняется к связному.

— Майор приказал явиться... Не знаешь, зачем, а?

— Не знаю. Ты ничего такого... не натворил?

Богатырь-артиллерист немного подумал.

— Да вроде бы нет... На рассвете подал связь на новый НП — раз... Потом немец начал обстрел, сперва минометный, потом батарейный. Лейтенанта ранило. Ну я его вынес из-под огня, санитарам сдал — это два... Лейтенанта ранил ихний снайпер. Я с НП глянул — видно, он, гад, за завалом притаился. Прополз я до горелого мостика, знаешь? Дал несколько коротких. А тут наша атака. Ну сбегал с ребятами в атаку... Троих фашистов положил. Добежал до завала. Так и есть: ихний снайпер валяется. Я его винтовку с оптическим сдал командиру. Потом по приказу отошли к болоту, немец стал напирать, автоматчиков подбросил... Ну, мы трое, то есть Афанасьев, Хабиб и я, прикрыли отход. Меня чуть по руке царапнуло. Перевязку мне сделали. А так... ничего больше такого и не было...

— Значит, не из-за этого тебя вызвали,— компетентно заявил связной.

Артиллерист вошел в землянку. Выпрямиться во весь свой двухметровый рост он не смог. Видно, на него не рассчитывали, когда сооружали землянку. Пришлось ему представляться в полусогнутом виде.

— Снимите каску,— разрешил Западов, затем встал и вручил богатырю орден Славы третьей степени.

Солдат опешил. Чего-чего, а награды он не ожидал. Растерявшись, выкрикнул невероятным фальцетом: «Служу Советскому Союзу!»

— Садитесь, товарищ Черных,— сказал майор.— Знакомьтесь. Это вот писатели из нашей фронтовой газеты. Стихи читаете?

— А как же?! — отвечал солдат.— Вот недавно читал про скворца. Который прилетел и стал чинить пробитый пулями скворечник. Вроде про птицу, а вроде и про нас. Вернется солдат — снова жизнь наладит... Хорошие стихи.

— Хорошие? А вот автор этих стихов, поэт Павел Шубин,— сказал Западов.

— Очень приятно! — улыбнулся солдат.

— Паша, прочитай «Скворца»,— потребовал начштаба.

И Шубин с подъемом прочел, добавив: «Такому орлу я бы все свои стихи прочитал».

Солдат вежливо поблагодарил за внимание и, откозыряв, вышел из землянки. Я выбрался следом. Интересно, что скажет связной.

— Чего вызывали? — спросил командующий самоваром.

Черных потоптался на месте. Он чувствовал себя явно неловко.

— Да вот... орденом наградили,— ответил он как-то виновато, очевидно, не желая конфузить «консультанта».

Связной в сердцах швырнул сапог в сторону.

— Орденом?! И за что только людям ордена дают?

Захватчикам — «ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ»

Отчеканена в Германии.

Выбита в России.

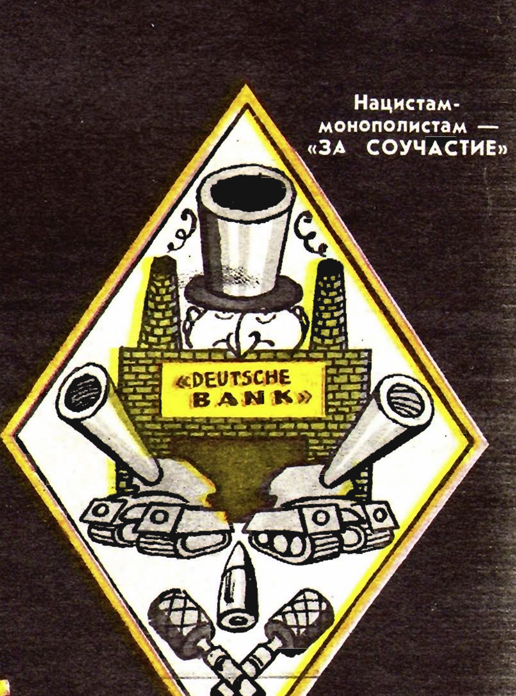
Муссолини — «ОРДЕН ПОДВЕСКИ»

ОРДЕНА И МЕДАЛИ, КОТОРЫЕ МЫ БЫ ДАЛИ...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Нацистам-юристам — «ЗА УСЛУГИ»

Нацистам-монополистам — «ЗА СОУЧАСТИЕ»



Герингу — «ЗА ВЗЯТИЕ МУЗЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ»

Адмиралу Деницу — «ЗА ПРЫЖКИ В ВОДУ»

Реваншистам — «В НАЗИДАНИЕ»

Станислав СИВРИЕВ

МОИ РУССКИЕ БРАТЬЯ

Небольшой партизанский отряд продвигался все дальше, в глубь потемневших Родопских гор; лучи заходящего солнца залили леса Чеч. Наступил тот самый миг, когда день уже ушел, а вечер еще не наступил, и командир отряда, почуяв дуновение горной прохлады, запел:

Если кончились патроны,
Отделенному скажи!..

На нескошенной траве позади нас оставался темный след, в воздухе чувствовался аромат примятой кашки, и у нас кружилась голова — то ли от кашки, то ли от песни. Мы шагали за командиром, подхватив припев:

Эй, комроты!
Даешь пулеметы,
Даешь батареи,
Чтоб было веселей!..

Не было пулеметов, командиры отрядов не знали, где достать патроны, чтобы заполнить ими наши ранцы, зато заряд был в наших песнях, и нам было хорошо.

Мы направлялись в штаб английской военной миссии, расположенной в дубравах Олуейля. Мы слышали, что по ночам над нами гудят тяжелые «дугласы» — на парашютах сбрасывается оружие, много оружия. Мы пришли к англичанам, но они дали нам пригоршню патронов — только чтобы отделаться.

Наш командир был до войны зубным врачом. Майор Миллер, шеф английской миссии, попросил шифрованной телеграммой выслать ему из Италии бормашину: он хотел, чтобы командир починил ему зубы. На это командир ответил:

— Пусть вышлют оружие! Голову надо беречь. Не будет головы — не нужны и зубы.

А Советская Армия приближалась к государственной границе, для Болгарии наступал эпилог трехлетней войны. Он наступал вместе с мотомеханизированной советской дивизией. Нежные сады Варны вдруг в один день остались без хризантем. Хризантемы расцвели на пыльных танках и орудийных стволах полков Третьего Украинского фронта. Советскую Армию ждали, и все же она пришла неожиданно.

Теплым днем 9 сентября наш отряд спускался с гор без своего командира. Он погиб в бою, и радость нашего успеха была смешана со скорбью. В Устово председатель революционной тройки Никола Маджаров, перекрывая шум, кричал в телефонную трубку:

— Пришлите, товарищи, хоть одного русского брата, чтобы он ступил сюда, на нашу землю!..

Никола был в черной рубахе, небритый. Его сын, поэт Кирилл Маджаров, всего за месяц до этого дня погиб в партизанском отряде в Югославии. А отец сейчас надрывался в борьбе с телефонными помехами, стараясь, может быть, заглушить свое горе, требуя прислать из Пловдива в Устово хотя бы одного красноармейца, чтобы его увидели люди.

Несколько дней спустя я побывал в Пловдиве. Улицы были полны народу. Казалось, в домах не осталось ни одного человека.

Советские воинские части только что вступили в город, и на улицах еще остались следы от их встречи — охапки живых цветов. По главной улице, со стороны Военного клуба, двигалась колонна краснозвездных солдат. Стройные ряды покачивались в живом людском коридоре. Опять солдатское пение, но на этот раз отличное от нашего. В нем звучала сиплая нотка — след походной простуды. Шли и уходили — батальон за батальоном: выгоревшие гимнастерки, матовый блеск автоматов и лица, озаренные чувством высокого долга, который выполняют эти парни на чужой земле.

Вечером я искал себе место в ресторане «Болгария» и вдруг столкнулся с английским майором Миллером. Горечь прошла, победа смягчила мое сердце — мы налили вина и чокнулись. Я все же сумел на своем скудном английском языке сказать ему, что и без его оружия мы свое завоевали. Он вытер губы салфеткой и произнес то самое раздраженное «О-о-о!», которое я уже слышал в лесах Олуейля, когда наш командир сказал ему о том, что вместе с головой человек теряет и зубы...

Потом я подсел к трем советским лейтенантам. Они были молоды, как и я, звали их Саша, Ваня и Юра. Саша, Ваня и Юра были солдатами этой неодолимой армии. На следующий день они вновь двинулись в поход, чтобы принести свободу другим народам Европы. Они ушли тяжелым, размеренным шагом, сознавая свою силу и величие своей миссии.

Перевод с болгарского.

Евгений ВЕДЕРНИКОВ

В БРЯНСКИХ ЛЕСАХ ВОЗДУХ ХОРОШИЙ...

Редакция газеты Брянского фронта «На разгром врага» разместилась в доме лесничества под Брянском... И вот получен приказ: раздать сотрудникам противотанковые гранаты из того запаса, который имелся. Месяц назад в редакцию завезли два ящика противотанковых гранат.

Запалы нашлись очень быстро, а вот где ящики, никто толком не мог ответить. Стали искать.

В одном домике нет! В наборном цехе нет! В сараях нет! Обшарили все уголки: под столами, под лавками, под топчанами...

Писатель-юморист Леонид Ленч, относившийся к этим поискам очень индифферентно, лежал на своей койке и, смеясь, читал что-то вслух. В этот момент старший поисковой группы, подойдя к койке Ленча, откинул свисавшее одеяло... И вот тут энтузиасты поиска с радостным воплем вытащили из-под кровати сатирика пропавшие ящики с гранатами.

Целый месяц Леонид Ленч спал на противотанковых гранатах! И спал крепко. В Брянских лесах воздух хороший.

МЕНА

Весна 1943 года в Курской области была тяжелой... Не было ни тракторов, ни лошадей... Пахали на коровах. Армия, как могла, помогала колхозникам.

И вот этой безлошадной весной в одном прифронтовом селе подходит ко мне старичок и говорит:

— Товарищ старший лейтенант, поменяемся лошадками! Моя — огонь!

А у меня лошадь была не ахти: серый, в яблоках спокойный трофейный артиллерийский мерин. Я сидел на нем, как на слоне. На галопе он слегка похрипывал, был запален.

— Ну что ж,— сказал я, настроившись на подвох,— веди своего коня...

Старик привел шуструю сухонькую лошадку. Судя по зубам, ей было лет пять. Подседлал. Резвая страшно. Хвост на отлете. Рысью и галопом ходит изумительно. А я все ищу подвох. Пригласил на консультацию одного старого кавалериста. Стали искать скрытые изъяны. Осмотрели ноги: нет ли мокреца? Целы ли зубы? А может, слепая на один глаз? Или глухая? Не хрипит ли? Не засекает ли на ходу? А старичок молчит. Ничего не высмотрели. Тогда я начинаю поносить своего мерина:

— Папаша, мой мерин-то ведь старый!

— Это нам ничего.

— А на галопе он похрипывает и задыхается.

— Это даже хорошо!

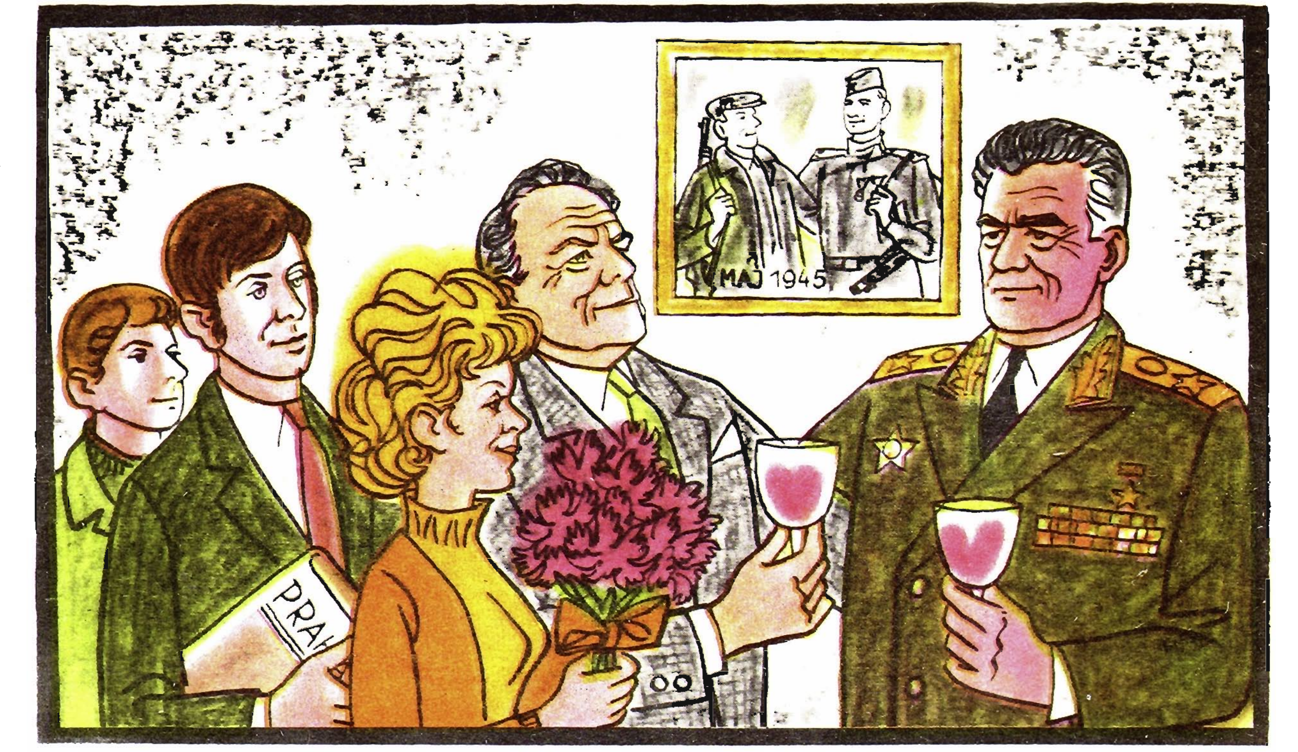
На все наветы старик не реагировал, а отвечал, что это в самый раз, и даже радовался. Ничем я его не мог пронять. Выбившись из сил, задал последний, самый главный вопрос:

— Скажите, папаша, откровенно: почему вы меняете свою лошадку?

— Милый, я вожу яйца из сел. По заготовке. В госпитали. И вот, когда я еду и вожжи держу натянутыми, все идет очень даже хорошо. Но как чуть отпущу вожжи, так она по своей резвой натуре сразу идет в галоп. И вот через эту шуструю кобылу я привожу к месту половину заготовленных яиц битыми.

И мы ударили по рукам.

9 МАЯ 1970 ГОДА — 25 ЛЕТ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

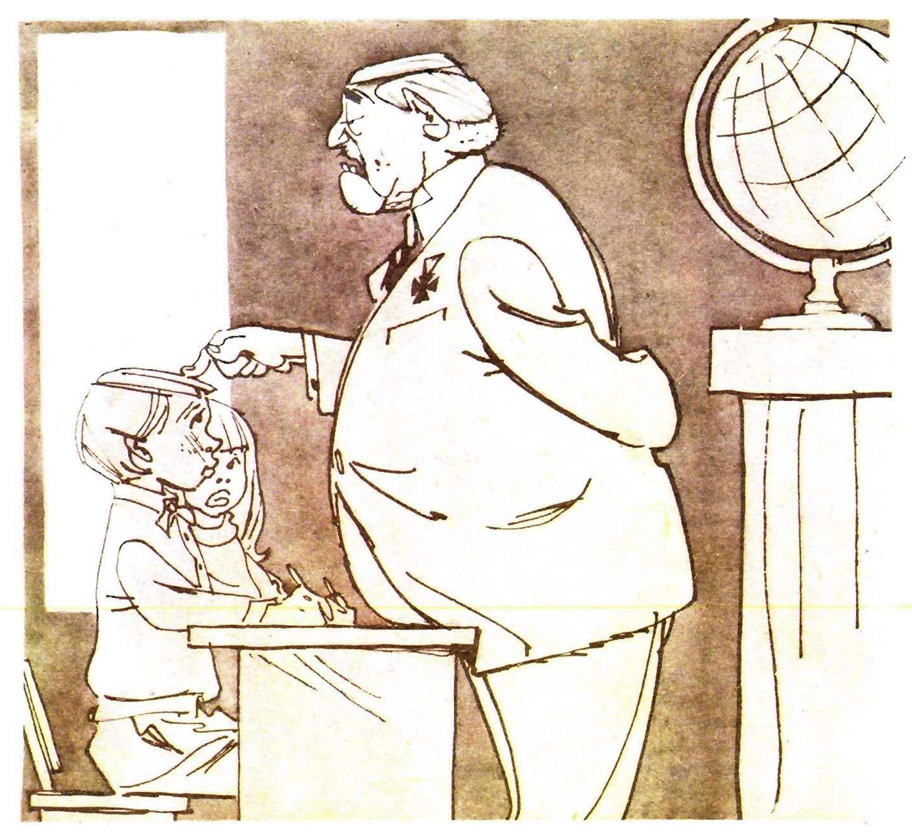


Встреча через четверть века. Рисунок Отакара ШТЕМБЕРЫ (Чехословакия)

— Эта дата навсегда отпечаталась у меня в памяти!

Рисунок Теню ПИНДАРЕВА (Болгария)

В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ШКОЛЕ



— Запомните, дети, в мае сорок пятого стояли такие страшные морозы, что мы вынуждены были капитулировать!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Им. ЛЕВИН

Свидание с Грейфсвальдом

Первое свидание с Грейфсвальдом у меня состоялось под утро. Под утро 30 апреля 1945 года.

Нам, недавним школьникам, казалось, что мы входим не в город, а в живую иллюстрацию к сказкам братьев Гримм. Островерхие кирхи, красные черепичные крыши домиков, узкие, как коридор, улочки, по которым, кажется, только что прошли бременские музыканты... Но не было музыкантов. Был вражеский город. Были парламентеры, которых послал к нам с согласием на безоговорочную капитуляцию военный комендант полковник Петерсхаген (эпизод со сдачей города широко известен по пятисерийному телевизионному фильму ГДР «Совесть пробуждается»).

Зеленый город был словно в снегу. Повсюду белые флаги, полотнища, полотенца, простыни, даже носовые платки на рукавах. На многих полотнах можно было прочесть вышитые красной готической вязью прапрадедовские сентенции: «Раньше встанешь—больше успеешь», «Смейся, несмотря ни на что»... Но сентенции не помогали. Грейфсвальдцам было не до смеха. Танки с красной звездой вызывали ужас у тех, кто долгие годы жил под наркозом удушливой гитлеровской пропаганды.

Осенью прошлого года я был в Грейфсвальде на празднествах по случаю 20-летия Германской Демократической Республики. Зашел побриться в парикмахерскую, над дверью которой красовалась эмблема парикмахерского цеха — медный таз с кисточкой. Мелодично, на три голоса звякнули дверные колокольца. Навстречу шагнул седой мастер и широким жестом указал на кресло. Он намылил мне щеки, а потом сказал:

— А я вас узнал, господин капитан. Точнее, товарищ капитан.

Капитан? Откуда он знает? Вот уже почти четверть века, как я снял военный мундир.

— Да, да,— сказал парикмахер, приметив мое удивление,— вы у меня однажды чуть не побрились...

— Чуть?

И тут я вспомнил, как когда-то, в сорок пятом, заходил в эту же парикмахерскую. Так же звякнули колокольца, но в помещении никого не оказалось. Я несколько раз окликнул хозяина, ответа не было, я ушел. И вот сейчас парикмахер напомнил, как все было.

Оказывается, он был в помещении. Но, увидев русского офицера, спрятался в глубине комнаты, за занавеской.

— Почему же вы не откликнулись?

— Я впервые должен был брить русского.

— Ну и что? Разве есть какая-нибудь разница в бородах?

— Никакой, но все дело в том, что у меня тогда дрожали от страха руки. Я боялся порезать вас... Вдруг это расценили бы как покушение!

— Ну, а теперь?

— Теперь! Теперь я могу хоть с утра до вечера брить целый полк русских... Ах, простите, товарищ капитан, на этот раз я вас действительно чуть не порезал... Но это не от страха. От волнения!

...Я вспоминаю первые майские дни сорок пятого. На центральной рыночной площади перед ратушей — митинг. Только что назначенный новый обер-бургомистр города, бывший фельдфебель вермахта, а затем активист комитета «Свободная Германия» Вилли Биг держит с трибуны речь перед населением.

Еще шла война, где-то гибли люди, но здесь уже был мир. И об этом мире, о завтрашнем дне новой Германии говорил Вилли Биг. Хмуро слушали его люди и, не проронив ни слова, расходились. О каком завтра могла быть речь?

Рядом со мной стоял тогда немец-коммунист, только что вышедший из концентрационного лагеря.

— Даю вам слово, товарищ капитан,— сказал он,— вы еще увидите, как улыбаются грейфсвальдцы, вы еще узнаете, как разговорчивы наши скупые на слова мекленбуржцы.

И он оказался прав. Мекленбуржцы живут и трудятся весело, с улыбкой. Не правда ли, только веселые моряки могут дать портовому буксиру имя «Морской черт»? Только веселые кулинары могут изобрести блюдо под названием «Иллюстрированный хлеб»? Только веселые любители спорта могут по всему городу расклеить призывы: «Люди разных поколений! Раз в неделю вы спортсмены!»

Нынешний День Победы я проведу в старом Грейфсвальде. Только город уже будет не белый, а красный от праздничного кумача.

Е. ГОРОХОВ, В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, *специальные корреспонденты Крокодила*

Сражение под Шатками

Дело было под Шатками.

Мы ехали на попутной подводе по большаку, обозревая весну и держа курс на запад. Справа по курсу загорали поля, усваивая минеральные витамины. Слева просыпалось село Архангельское.

Стояло мычащее и кукарекающее утро.

Наш благодетель Иван Андреевич Воробьев был чем-то озабочен и торопил лошадку: «Ну-у, Клавдия, шевелись!»

Мы справились у него:

— Как жизнь, дедушка?

— Воюем! — проинформировал Иван Андреевич.

— С начальством? — с понятием вставили мы.

— Хватает противников,— заверил дедушка, опять уклонившись от конкретностей, и повернул Клавдию к селу.

Там он остановил лошадку у дома с крыльцом и вывеской:

ПРАВЛЕНИЕ
колхоза «Власть Советов»,
Шатковского района,
Горьковской области.

— Приехали! — сообщил нам благодетель.— Давай слазь, сдавайся!

— То есть как сдавайся? Что еще за война? — опешили мы.— Нам дальше. Мы в командировке!

— Отставить разговорчики! — скомандовал дедушка.— Руки вверх и пошли в плен!

«Вот это благодетель! За что ж он нас?» — в смятении соображали мы, топая по ступенькам крыльца в плен. Навстречу, подпирая притолоку и загораживая дверной проем, вышел человек в кепке.

— Иван Андреевич Воробьев из разведки вернулся! — лихо и четко рапортовал ему дедушка.— По дороге захвачены и доставлены в полном аккурате два корреспондента. Вот, принимай!

К. Д. ЛАЗАРЕВ

* *
*

Приняв рапорт, могучий человек, каковым оказался председатель колхоза Константин Дмитриевич Лазарев, снял кепку и обнял руками голову.

— Это что ж ты учудил, Андреич?! — произнес он трагическим голосом.— Мы тебя куда посылали?

— В разведку,— твердо ответил дедушка,— добыть самолет.

— А ты что добыл? Корреспондентов! Да еще из «Крокодила»!

Разведчик опять же не смутился.

— Так разве на лошадке за самолетом поспеешь? Он ведь с пропеллером. И на бензине. Клавдия аж умаялась. А корреспондентов я зачем захватил? Пусть пособят в нашем бою с трудностями.

Так выяснилась причина нашего плена. Мы оказались как бы на передовой. Отступать было неловко. «Коль война — так по-военному!» — решили мы и начали допрашивать председателя на предмет выяснения трудностей и проблем.

— План сверху навязывают?

— Нет,— признался Константин Дмитриевич.

— Ладно! Совещаниями и перепиской мучают?

— Тоже не так чтоб очень.

— Хорошо! Тогда, может, уполномоченные вас терроризируют?

— Нет, все это давно прошло. Но проблемы еще давят,— ответил Лазарев и, показав нам ладони, стал активно загибать пальцы.

Первая — запчасти.

Вторая — минеральные удобрения.

Третья — машины для их долбежки.

Четвертая — сеялки для внесения удобрений в почву.

Пятая — самолет для распыления их с воздуха.

Вскоре пальцы на руках председателя сложились в увесистые кулаки. Мы с почтением оглядели их и невольно подумали: «Как жаль, что такие прекрасные кулаки бойца-хлебороба не видят некоторые штатские, от коих зависит решение этих проблем!»

* *
*

Вскоре мы сидели на командном пункте колхоза — в правлении — и слушали оперативное совещание. Лазарев проверял готовность к севу.

— Тракторы готовы! — словно разбив танковый корпус противника, доложил фронтовик-танкист, а теперь бригадир тракторной бригады и Герой Социалистического Труда Алексей Егорович Свинцов.

— Молодцы! — похвалил председатель голосом полководца, выигравшего сражение.— А машины?

— На взводе! — с тем же боевым подъемом рапортовал завгаражом, лейтенант запаса Александр Абдалин.— Запчасти добыли!

— Молодцы! — еще раз похвалил Лазарев.

Добыть запчасти, подготовить технику к севу — это действительно большая победа, требующая от механизатора выдержки пехотинца, смекалки разведчика и расторопности интенданта.

Бывалый механизатор не ждет запчастей от родимой «Сельхозтехники». Он действует по принципу: на родимую надейся, а сам не плошай. И потому натягивает сапоги кирзовые, сует в вещмешок сухой паек на неделю и топает по дорогам — в другие хозяйства. Там-то посредством простейшего товарообмена (мы вам кривошипчики, а вы нам карданчики) и добывается искомое.

Солдатской смекалки требует и добыча удобрений.

— Минеральные удобрения добыли! — информировал председателя фронтовик-моряк, а сейчас бригадир 1-й полеводческой бригады Борис Кашицин.— А долбежки нет!

— Обернемся кувалдой и ломом! — предложил, используя бытовую лексику, Александр Быков, рядовой запаса и бригадир 2-й полеводческой бригады.— Подкормку озимых надо заканчивать. Без самолета не обойтись. А он что-то у соседей застрял...

Командующий севом Лазарев обратился взором к окну. Там, приложив ладошку к уху, дислоцировалась старая гвардия — Андреич.

В доме стало тихо, как всегда перед боем.

— Воздух! — объявил наконец разведчик.— Гудит! Кажись, у соседей,— вдохновенно уточнил он и засеменил запрягать Клавдию.

* *
*

Дедушка не ошибся. И поспел вовремя. Сбросив азотные витамины на поля соседнего колхоза, «АН-2» шел на посадку. Андреич быстро оценил обстановку и начал атаковать противника — молодого аса — в обход, хитрым маневром.

— Имею сообщение любовного свойства! — изложил он доверительным полушепотом.

— Слушаю! — напрягся противник.

— Сохнет по тебе тут одна. Ей-ей. Имел с ней секретный разговор. Призналась. А хороша! Глаза — яблоки. Ножки стройные. В общем, кровь с молоком и блондинка. Ну как?

Противник запотел.

— Я что?.. Я конечно... Надо посмотреть...

Дедушка пошел в атаку:

— Тогда летим! Но — чур! — сперва ты нам малость побомбишь.

Ас оказал сопротивление:

— Ваш колхоз, дедушка, по графику...

— Ну и гуляй по этому графику! — жестко бросил разведчик.

Тут противник капитулировал. Прилетев в колхоз, дедушка со значением пожал ему руку:

— А вечером, значит, приходи на танцы. Спроси Клавдию Андреичеву. И приглашай! Только побрейся...

Остаток дня ас усердно бомбил удобрениями поля колхоза. А вечером, побрившись, пришел на танцы и справился у зрительницы из пенсионерок:

— Где здесь, мамаша, Клавдия Андреичева?

— Клавдия? Андреичева? Да вон, сынок! — указала мамаша на дорогу.

По дороге, бодро помахивая хвостом, возвращалась на конюшню рыжая лошадка дедушки. «Глаза — яблоки. Ножки стройные. Блондинка»,— вспомнил ас и испугал танцующих внезапным хохотом.

* *
*

Подготовка к севу шла полным ходом.

Оставив командный пункт, Лазарев объезжал механизированные подразделения: проверял их готовность, давал последние указания.

— Председатель ваш из фронтовиков, наверное? — справились мы у комбайнера Федотовой.

— Лазарев-то? А как же! — подтвердила Анна Михайловна.— Всю войну провоевал...

Когда началась война, Константину Дмитриевичу было двенадцать лет.

— Ну, Константин, теперь ты мужик! — сказал ему отец, уходя на фронт.— Бросай лапту. На тебе дом, хозяйство...

Так Лазарев и начал воевать на борозде.

— А мужик-то,— заметила Анна Михайловна,— от горшка два вершка. Бывало, лошадку запрягает, а хомут засупонить не может: мал. За табуреткой бежит...

Тут Федотова перевела взгляд на поле.

— А то, помню, картофель убирали. Мешки таскать надо. Дело-то мужицкое. Говорю: «Костя, давай помогу». Нет, упирается. Шатается с мешком, пыхтит, но несет... Упорный был.

Юный колхозник делал все: косил и скирдовал, пахал и сеял... А когда наступил мир, обрел первую награду: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

— А потом и он отслужил. Старшиной вернулся. Работал, учился. Стал заместителем председателя колхоза. Потом мы избрали его председателем. Как работает? Орден Трудового Красного Знамени получил. Гремит наш колхоз на всю область...

Мы шли по селу, обозревая приметы благополучия колхоза и колхозников: каменные дома, гаражи с автомашинами и мотоциклами.

На крыльце одного из домов сидел мальчик и играл на баяне.

— Вот таким, наверное, был Костя Лазарев — двенадцатилетний пахарь,— сказал один из нас.

Другой стал забрасывать юного маэстро вопросами.

— Как тебя зовут?

— Костя,— представился маэстро.

— Ба! А фамилия?

— Лазарев.

— Ага. И тебе двенадцатый год? — спросили мы, подозревая какой-то подвох.

— Да.

— Ты, может, и родился двадцатого сентября (день рождения председателя колхоза)?

— Точно!

— Так ты, что же, работаешь под председателя?

— Чего? — несколько смутился маэстро.— Председатель мой папка!

С минуту мы стояли в молчании, опустив по швам руки и размышляя о людских судьбах.

Первое публичное выступление Кости-младшего состоялось три года назад, когда колхозу вручали юбилейное знамя в честь пятидесятилетия Советской власти. Год спустя он играл туш, когда отец принимал переходящее знамя Совета Министров СССР.

Мы поспешили принести маэстро свои извинения.

Костя ЛАЗАРЕВ

* *
*

Мы покидали колхоз под танковый грохот и рев моторов.

Тесня к обочине лениво топающий на дневную прогулку сводный отряд мелко- и крупнорогатых, по дороге двигались на поля колонны тракторов и автомашин с зерном.

Стояло солнечное утро.

Колхоз «Власть Советов» начинал сев.

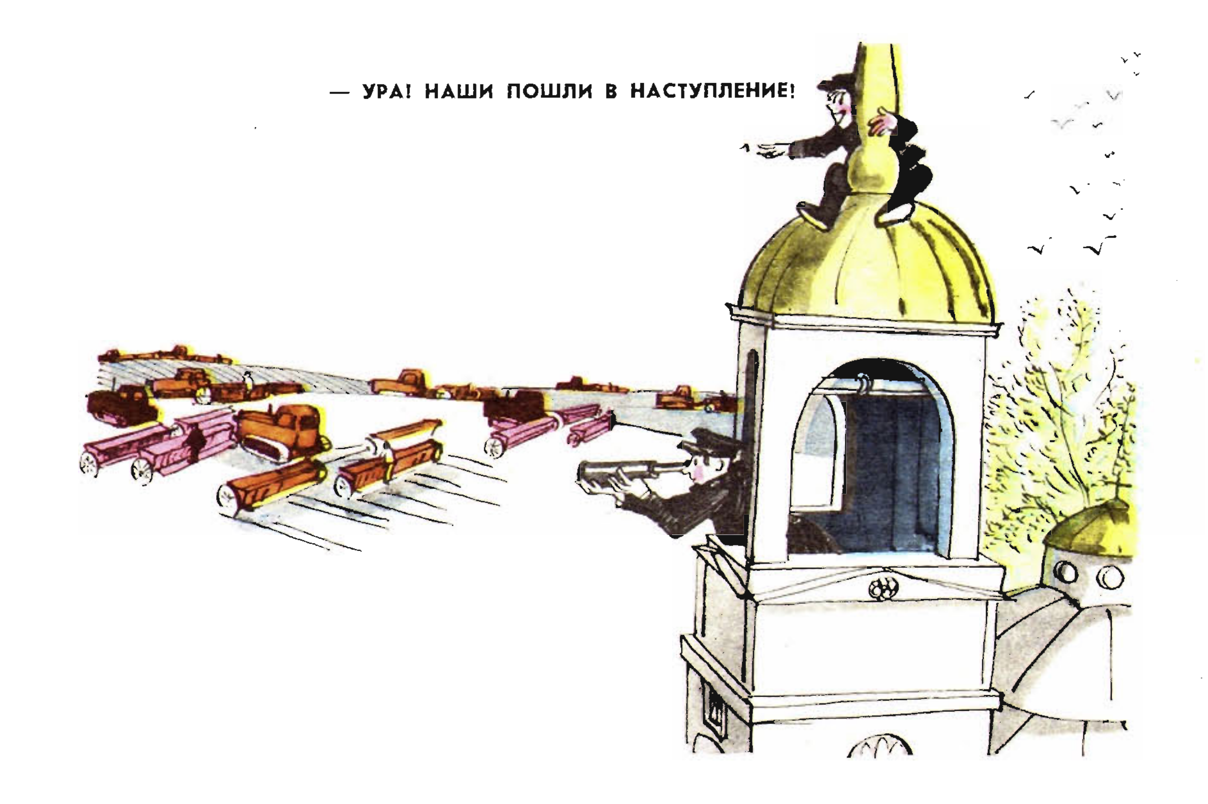
Разворачивалось сражение за новый урожай.

Тракторное звено Александра Медведева первым вышло на исходный рубеж и, развернувшись во фронт, двинулось в поле, волоча за собой трехступенчатые сеялки.

В штабе оставался лишь писарский состав — главбух, счетоводы... Командующий севом Константин Дмитриевич Лазарев объезжал на «газике» позиции колхоза, следя за успешным ходом этого сражения.

А Костя Лазарев, проснувшись, вышел с баяном на родное крыльцо, сладко потянулся и заиграл, готовясь к уроку в музыкальной школе...

— УРА! НАШИ ПОШЛИ В НАСТУПЛЕНИЕ!



Борис ЕГОРОВ

МОЙ ДОМ — МОЯ КРЕПОСТЬ

Прежде чем прорвать немецкие укрепления на Никопольском плацдарме, наши войска несколько месяцев стояли в обороне. Были попытки продвинуться вперед и выбить гитлеровцев с последнего пятачка на левом берегу Днепра. Но успеха эти попытки не принесли.

Замполиты ратовали за взаимодействие пехоты и артиллерии. Приводили в пример снайперов.

— Бить врага так, как снайпер Анатолий Аниканов!

И газета писала: «Учитесь у Аниканова!»

Учились. Потом пошли в наступление. Взяли села Ново-Днепровку, Днепровку, Водяное и райцентр Каменку-Днепровскую.

Население встречало освободителей восторженно. Жители сел угощали бойцов узваром — вишневым компотом. Кроме сушеной вишни, у них ничего не было.

По улице Ново-Днепровки ходила одна белая курица, чудом избежавшая острых зубов оккупантов, и обращала на себя внимание. Тем, что белая. И тем, что одна.

В прошлом году я снова побывал в Каменском районе.

Должен сказать, что наследство у той белой курицы теперь большое. Птицы разной в районе триста пятьдесят тысяч голов.

Продают каменцы много хлеба, молока, овощей, фруктов, винограда. Все исчисляется тысячами тонн.

И потому в районе идет большое строительство. И потому у населения сотни собственных автомобилей, тысячи мотоциклов и телевизоров. И потому в сберкассе района 22 тысячи вкладчиков.

Есть в Каменке стадион «Космос». И есть чудесный, расписанный художниками детский городок электрических аттракционов. Здесь с помощью кнопочного управления дети летают на ракетах, виражных самолетах, катаются на цепочной карусели. И еще имеется карусель волнистая. Под заводским номером «два». Первая такая карусель установлена в Москве, в Сокольниках.

Я спросил:

— Сколько стоит этот городок?

— Пятнадцать тысяч,— ответили мне.— Но двенадцать мы вернули за один сезон. К нам аж из Никополя на веселье приезжают. И отдыхающих много. Едут из Мурманска, из Ленинграда. Курорт у нас здесь. Море, Каховское.

Каменская земля опоясана курганами. Под ними — усыпальницы скифских царей.

Из курганов мне особенно памятен один — высота 95,4. На ней в вместе с разведчиками и связистами батареи был окружен немецкой пехотой. Пришлось вызвать на себя огонь дивизиона.

Ни один из бойцов батареи в результате нашего артналета не пострадал, гитлеровцы же отступили, оставив на склонах кургана 39 трупов.

Не сразу нашел бы я сейчас этот курган, если бы не карта, данная мне напрокат райвоенкомом: раньше поблизости от кургана был лес, плавни. Теперь это место заполнено морем, и волны плещутся почти у самого подножия высоты. Над ней чайки летают.

С другой стороны было поле. Его пересек оросительный канал. Не говорю уже о старом ветряке, который бесследно исчез. Все изменилось.

...Находясь в Каменке, я исписал несколько блокнотов. Много в них интересных записей появилось. Не было только одной, которая рассказала бы о встрече с фронтовиком, участником боев за освобождение района.

Поделился я этой мыслью с секретарем райкома партии А. С. Пупыниным, и он в ответ тут же сказал:

— Сейчас познакомитесь. Вот навстречу нам идет Аниканов. Участник боев. Активный участник!

— Аниканов? Знакомая фамилия. Снайпер такой был...

— Он и есть тот самый снайпер.

Так я встретился с Анатолием Васильевичем Аникановым, о котором некогда твердили замполиты. С веселым, удалым человеком.

За войну он «снял» 217 фашистов и выиграл восемь дуэлей с гитлеровскими снайперами. Тоже отправил их на тот свет.

Прошел от Сталинграда до Берлина. По пути и под Каменкой воевал. А живет Аниканов сейчас в Днепровке, в доме, неподалеку от которого находился... его личный снайперский окоп.

В конце беседы Анатолий Васильевич заметил:

— Англичане, кажется, говорят: мой дом — моя крепость. Я тоже так говорю. Только в другом смысле. Окоп свой в виду имею...

В ШЕСТНАДЦАТЬ НОЛЬ-НОЛЬ...

Наша артбригада вошла в Ужгород поздно вечером 27 октября 1944 года. И сразу же развернулась для ведения огня: немцы непрестанно контратаковали, пытаясь выбить нас из города.

Но, прежде чем моя батарея сделала первый выстрел, произошло неприятное для ее личного состава событие: у одного из шеститонных прицепов, на которых батарея везла свой боезапас, лопнула ось.

Собрались у накренившегося набок прицепа местные люди, успокаивают меня:

— Не волнуйтесь. Мы починим.

Говорят по-русски, с сильным словацким акцентом.

— А кто вы?

— Мы рабочие с завода «Козар Людвиг». Год с лишним по домам сидим. Разогнали нас немцы. Электростанцию взорвали. Станки поломали. Но завтра мы все решили выйти к семи утра на работу. Так что отбуксируйте прицеп вон туда. Это и есть завод.

— Когда будет готово?

— Завтра в четыре. По-военному — в шестнадцать ноль-ноль.

— Но у вас нет электричества...

— В шестнадцать ноль-ноль!

— ...Но у вас нет пара...

— В шестнадцать ноль-ноль! Этот прицеп будет первой продукцией завода после освобождения.

Я поверил. Но все-таки был озадачен: как они сумеют отковать и выточить новую ось?

На следующий день в назначенное время я приехал на завод и не узнал своего видавшего виды, прошедшего от самого Дона трофейного прицепа.

Рабочие не только поставили новую ось, но перебрали и заменили рессоры. На бортах, там, где было по одной гайке, а должно было быть по две, довинтили вторую. Кроме того, борта прицепа выкрасили зеленой краской. Ступицы колес и спицы — красной, стрелу — черной. Безупречная работа!

Прицеп мне передавал коренастый, ниже среднего роста человек с редкими седыми крапинками в волосах. И с очень живым, добродушным взглядом. Это он говорил накануне: «По-военному — в шестнадцать ноль-ноль».

Человек отрекомендовался:

— Я директор.— И добавил: — Ну, теперь вам есть на чем возить снаряды.

И наша батарея возила на этом прицепе снаряды и по венгерской равнине, и по польским Карпатам, и по Высоким Татрам — до самого Дня Победы. Сотни и сотни тяжелых, 152-миллиметровых снарядов!

А четверть века спустя я снова был в Ужгороде. На празднике. И 27 октября вместе с другими фронтовиками выступал на торжественном собрании рабочих завода «Большевик».

Перед началом собрания сидел в кабинете директора Олега Ивановича Галика. Здесь же было еще несколько работников «Большевика». Говорили о том о сем, и я вспомнил историю с прицепом.

— А как назывался тот завод? — спросил секретарь партбюро Иван Свитлик.

— «Козар Людвиг».

— «Козар Людвиг»? Так его бывший директор у нас работает. С минуты на минуту сюда придет. Это Павлик. Михаил Андреевич.

И едва он произнес эти слова, как в кабинет вошел коренастый, ниже среднего роста седой человек.

— Павлик, Михаил Андреевич,— представился он.

Я сразу узнал его. Он только поседел и пополнел.

— Помните, Михаил Андреевич, первую ночь после взятия Ужгорода? Шла колонна пушек и вдруг остановилась. У прицепа лопнула ось...

— Вы?! — воскликнул он.

Мы обнялись.

— А как все-таки вам тогда удалось новую ось сделать? — спросил я.— Ведь не было ни электричества, ни газа, ни пара! И станки поломаны...

— Секрет фирмы,— улыбнулся Михаил Андреевич.— Когда гитлеровцы и хортисты разрушали завод, мы сумели спрятать один газогенераторный мотор. На чурочках работал. В общем, трансмиссию крутить было можно...

Я узнал, что Павлик поступил на завод «Козар Людвиг» в 1921 году. Ему было тогда семнадцать. С 1930 года он состоял в Коммунистической партии Чехословакии, во время войны работал в венгерском подполье, сидел в тюрьме.

— Знаете, каким я из тюрьмы вышел? Во мне было сорок пять килограммов. Мучили, пытали. Но улик не было: подполье работало чисто.

— Вы вышли из тюрьмы и...

— ...И опять в подполье. А потом — освобождение, 27 октября.

В ту ночь Павлик был избран первым директором завода «Перемога». Название же «Козар Людвиг» ушло в историю. «Перемога»—это победа. Своей целью рабочие поставили помогать Красной Армии. Делали военный инструмент, ремонтировали машины. Шипы, с помощью которых бойцы горнострелковых дивизий карабкались на Высокие Татры,— тоже дело рук переможцев. Позже завод перешел на мирную продукцию: стал выпускать газовую аппаратуру. И директорствовал на нем Михаил Андреевич до 1951 года.

Сейчас работает на «Большевике». Ему уже шестьдесят пять. Он член партбюро завода. Свитлик сказал мне о нем: «Это наша партийная совесть».

...Когда мне дали слово для выступления, я рассказал, что произошло вот этим самым вечером ровно двадцать пять лет назад. И в конце назвал героя события:

— Человек, который очень помог тогда нам, артиллеристам, сидит здесь. Это Павлик. Спасибо вам, дорогой Михаил Андреевич!

Зал разразился аплодисментами. Павлик встал, повернулся к сидящим, поклонился. И в это время поднялись все, аплодировали ему стоя. Те, кто находился в клубе, хорошо знали его. Не известна была людям только та маленькая подробность его биографии, о которой рассказал я.

Мне хотелось еще раз увидеться с Павликом, и после собрания я спросил:

— Когда бы я мог к вам прийти?

Он сказал:

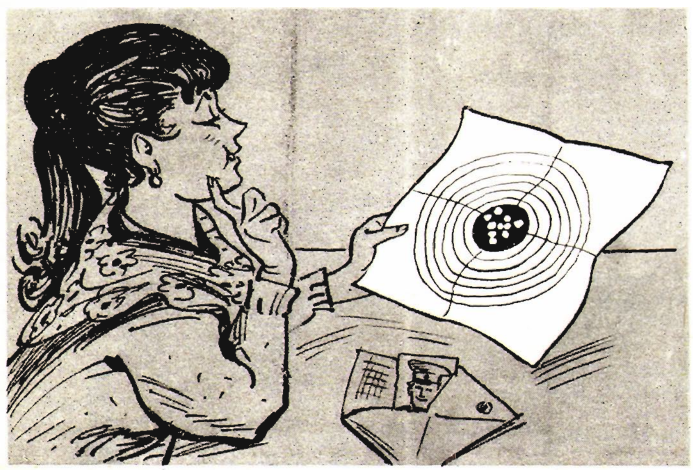
— Завтра я освобожусь в четыре. То есть в шестнадцать ноль-ноль...

Так мы и встретились — в шестнадцать ноль-ноль... В тот же самый день, 28 октября, в тот же час и в ту же минуту. Только 25 лет спустя.

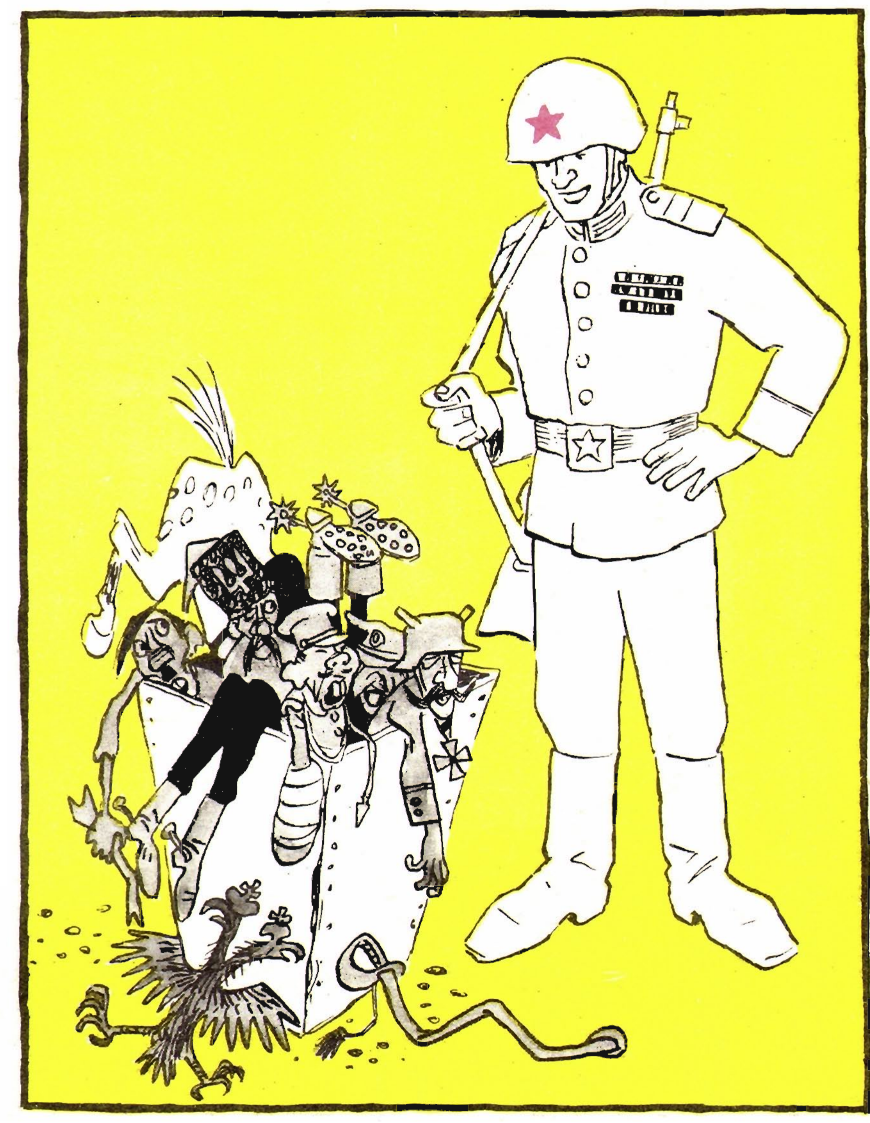
«Спрашивайте, мальчики...»

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рисунок В. ЖАРИНОВА



«В каждой строчке — только точки,—
Догадайся, мол, сама».

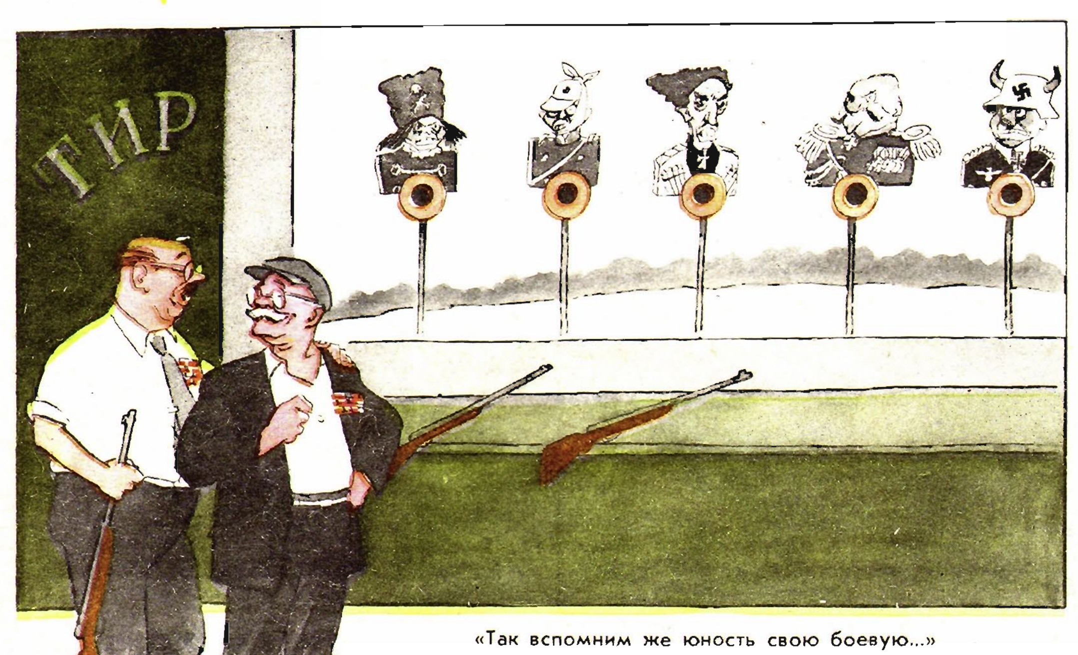


«Ой полна, полна моя коробушка...»

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

КРОКОДИЛЬСКИЙ КОНЦЕРТ

Рисунок Бориса ЛЕО



«Так вспомним же юность свою боевую...»

«И за борт ее бросает...»

Рисунок А. ГРУНИНА

В годы войны сатира и юмор бок о бок с другими жанрами фронтовой печати сражались на передовой линии. О меткости сатирических рубрик свидетельствуют и сами названия: «Прямой наводкой», «Огонь с хода», «Не в бровь, а в глаз», «И в хвост и в гриву».

Бойцам надолго запоминались коротенькие бойкие шутки, анекдоты, поговорки, юморески и стихотворения, их передавали из уст в уста.

В газетах «Красноармейская правда» (Западный фронт), «За Родину» (Северо-Западный фронт), «Красная Армия» (Юго-Западный фронт), «На страже Родины» (Ленинградский фронт) и многих других из номера в номер печатались карикатуры, изобличавшие и высмеивавшие ненавистного врага.

С небольшой частью этих материалов мы решили познакомить читателя.

ИЗ ДНЕВНИКА ОТТО ДРАПКЕ

5 ФЕВРАЛЯ. Нашему фельдфебелю опять повезло: перед атакой он напоил 200 солдат, а опохмеляться прибежало только двое.

15 МАРТА. Вспоминаю, что в прошлом году в этот день мы с Гансом Хапманом слопали по три курицы каждый. А сегодня Ганс проглотил увесистый осколок русской мины, и я поблагодарил бога, что мне посчастливилось закончить день без этого угощения. Лучше уж я лягу спать натощак.

СОВЕТСКАЯ ДРЕССИРОВКА

В боях на Брянском и Харьковском направлениях наши войска захватывают большое количество исправных немецких танков, в том числе новейших тяжелых танков типа «Тигр».

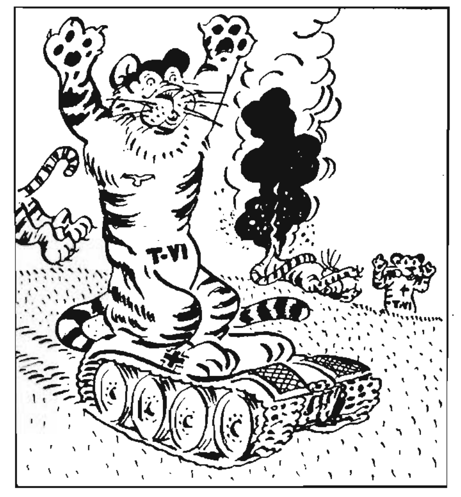


Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА

К ОКРУЖЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ 16-й АРМИИ

Фашистская задача...

И наше решение.

Рисунок БЕ-ША

Фронтовые поговорки

На то и фашист с обозом, чтобы партизан не дремал.

* * *

Непрошеные гости порасквдали в степях кости.

* * *

С миру по нитке — фашисту веревка.

Исправленная телеграмма

Солдат Карл Гофман отправил домой телеграмму. «ДОРОГАЯ МАРТА! — писал он.— НАМ ПРИХОДИТСЯ ОЧЕНЬ ТУГО. КАРАУЛ, КОТОРЫЙ МЫ ВЫСТАВЛЯЕМ, УНИЧТОЖАЕТСЯ ПАРТИЗАНАМИ. ЕСЛИ ВАС БУДУТ БОМБИТЬ, ВСПОМНИ, КАК Я ТЕБЯ ЛЮБИЛ. КАРЛ».

Фронтовой цензор вычеркнул из телеграммы все, касающееся партизан и положения солдат. Телеграмма приняла такой вид: «ДОРОГАЯ МАРТА, КАРАУЛ! ЕСЛИ ВАС БУДУТ БОМБИТЬ, ВСПОМНИ, КАК Я ТЕБЯ ЛЮБИЛ. КАРЛ».

Берлинский цензор тоже приложил руку к посланию Карла.

Жена Гофмана, получив телеграмму, упала в обморок. Весь текст состоял из двух слов: «КАРАУЛ! КАРЛ».

Но как ни странно, это было, в сущности, именно то, что Карл Гофман хотел сообщить своей жене.

Хвала женщине

О женщина! Творишь ты чудеса!
...Два фрица у кустов подрались было,
Но тут «Катюша», всколыхнув леса,
Запела. И фашистов примирила.

В НЕМЕЦКОЙ ПРИЗЫВНОЙ КОМИССИИ

Доктор:— Который из вас призывается?

Рисунок О. ВЕРЕЙСКОГО

ОТЛИЧНЫЙ МАТЕМАТИК

Мой друг — отличный
 математик —
Всегда науку ту любил
И на войне, скажу вам
 кстати,
Отнюдь ее не позабыл.
Недавно к дзоту он
 подкрался,
Где офицер фашистский жил,
Двоих друзей его дождался
И сразу всех троих
 СЛОЖИЛ.
Блестящий образец сноровки
Показан им три дня назад:
Единым выстрелом винтовки
Он сразу ВЫЧЕЛ двух
 солдат.
На днях в сраженьи с рваной
 серой,
Фашистский усмиряя пыл,
Одной гранатой офицера
Он на три части РАЗДЕЛИЛ.
Смерть всюду немцам
 угрожает:
В лесу, в болоте, на снегу —
Так мой приятель
 УМНОЖАЕТ
Счет мести лютому врагу.

Старшина
Л. ПРОЗОРОВСКИЙ

ИЗ ГЕББЕЛЬСОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «ВРАКИШЕР БРЕХУНАХТЕР»

НАШИ ВОЙСКА НА РУССКОЙ МАСЛЕНИЦЕ

«Наши непобедимые воины после славных побед под Сталинградом и на Дону решили справить широкую русскую масленицу. Сотни породистых кубанских коней были красиво убраны в ленты и цветы. Дорога, по которой катились наши зольдатен унд оффицирен, на сотни километров была устлана пышными русскими блинами. Через реки вина нашим саперам пришлось навести понтонные мосты из московских пирогов и украинских галушек. Множество бочек мит ковьяр было открыто по пути следования. Старики играли на губных гармошках. Русские медхен плясали популярную на Востоке пляску «Мальбрук в поход собрался». Молодухи плакали от счастья. Дети смеялись. Собаки лаяли. Кошки мяукали».

ПОБЕДОНОСНОЕ БЕГСТВО

«Под Орлом наши войска, победоносно отступая во все лопатки, продолжают триумфально продвигаться к Брянску и между делом берут в плен ежедневно по десять тысяч русских. Вчера отличился ефрейтор Кнопке, у которого одна нога была перебита, а другую нечаянно оторвал снаряд. Несмотря на ранение, ефрейтор, увидя группу русских танков, твердо зашагал им навстречу, выхватил пистолет и крикнул: «Сдавайтесь!» Сорок русских танков немедленно выбросили белые флаги и сдались ефрейтору в плен».

ЗИМНИЙ СЕЗОН УРАЛЬСКИХ ОХОТНИКОВ

Младший лейтенант Журкин — молодой артиллерист-уралец, прямой наводкой сбивший фашистский самолет.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

У АЗОВА

Вид на море и обратно...

Рисунок Бориса ЛЕО

Рисунок А. ВЯЗНИКОВА

Битовые услуги

(Только для арийцев)

ДОСТАВКУ НА ДОМ

подарков в любой пункт Германии производит экипаж бомбардировщика тов. Молодчего. За точность доставки ручаемся.

УТЮЖКА

траншей, щелей и блиндажей производится танком «КВ» гвардии старшего лейтенанта Калинченко. Заказ выполняется с одного захода. Второго, по словам немногих уцелевших клиентов, не требуется.

МОМЕНТАЛЬНАЯ СЪЕМКА

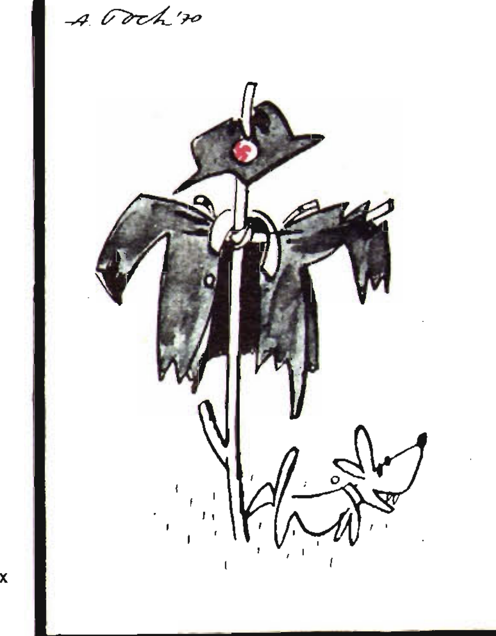
с телеобъективом производится снайпером Королевым. Дальностью расстояния снайпер не смущается. Работает без брака. Пересъемок не требуется. Жалоб от клиентов нет.

АЖУРНАЯ СТРОЧКА

выполняется пулеметчиком Ивановым. После очереди любой гитлеровец превращается в брюссельское кружево. Выполнение в присутствии заказчика. Принимаются коллективные заявки.

Рисунки подобрал В. ЧИЧИЛАНОВ (г. Свердловск)

Рисунок А. ПОХА (Румыния)



Николае ТЭУТУ

Пугало

Однажды я вблизи
 дороги,
Где выходил подсолнух
 в цвет,
Увидел чучела убогий,
Смешной и жалкий
 силуэт.
Тем, что когда-то было френчем
Со свастикой в гнилье погон,
Кол огородный был увенчан,
Чтобы пугать шальных ворон.
Поставленный рукой крестьянской
На свой достойный пьедестал,
Гремя консервною жестянкой,
Френч будто милостыни ждал.
Его хозяин был, поди-ка,
Самою спесью во плоти,
Мечтал, небось, в разгуле диком
Тут свой порядок навести.
Но что осталось от вояки?
Надгробье — кустик белены,
Да рукавов истлевших тряпки,
Что лишь для пугала годны.
Идет прохожий — проклинает.
Собака — орошает кол.
Старуха — комьями бросает,
Чтоб «черт из пугала ушел»...
...Так и стоит он в поле мглистом
На перекрестке двух дорог —
Народный «памятник» фашистам
И их походам на Восток.

Перевел с румынского С. ПЕТУХОВ.

Чешские шутки военных лет

Подходит человек к газетному киоску и спрашивает:

— Есть «Дас райх»?

— Нет, «Дас райх» уже нет.

Человек заворачивает за угол, а через минуту возвращается снова:

— Есть «Дас райх»?

— Нет. «Дас райха» уже нет.

Когда человек подошел в третий раз, продавщица не выдержала и раскричалась:

— Я вам уже два раза сказала, что «Дас райха» нет!

— Ах, пани, извините, но мне так приятно это слышать!

Разговор между гитлеровскими солдатами:

— И ты веришь, что мы отступаем по плану?

— Верю. Только план составили не в Берлине, а в Москве.

Швейк разговаривает с Гитлером.

— Победа нам гарантирована, — говорит Гитлер. — Италия — это один ключ к победе, Япония — второй, непобедимая армия — третий.

— Знал я на Жижковой улице одну пани,— замечает Швейк.— Была у нее связка ключей. Раз пошла она в уборную и, пока нашла нужный ключ, было уже поздно...

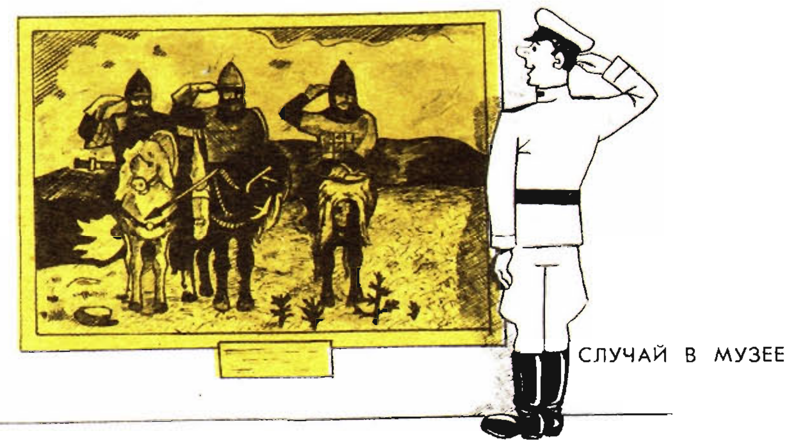
Выступает Геббельс:

— У нас есть новое оружие! Как только пустим его в ход, конец войне.

— А какое же это оружие? — спрашивает после речи один из приближенных Геббельса.

— Белый флаг.

Перевод с чешского.



СЛУЧАЙ В МУЗЕЕ

Рисунок военнослужащего А. ЩЕРБАКА

ПРОСТО ФРОНТОВОЙ АНЕКДОТ

(1941—1945)

— А Карл все же избежал пули советского снайпера!
— Как это ему удалось?
— Очень просто: он подорвался на партизанской мине...

●

— Наш майор фон Криккен говорил, что взять Мурманск легко — стоит только протянуть руки.
— А где майор сейчас?
— Протянул ноги...

●

— Не знаешь ли, Ганс, куда делась соседняя с нами дивизия?
— Ее вчера отправили на пополнение соседней с нами роты.

●

— Лейтенант Драпфуль, вы обвиняетесь в том, что бежали со своей ротой с линии огня. Признаете себя виновным?
— Никак нет. Бежала только половина моей роты. Вторую половину я послал ловить первую, а сам побежал за второй, чтобы она не удрала вместе с первой.

●

— Знаешь, Фриц, сегодня жена господина Геринга именинница. Может, пошлем от нашей эскадры приветственную телеграмму?
— Я бы ее с удовольствием поздравил, если бы она оказалась вдовой.

●

Разговор среди немецких солдат:
— Какое было бы у тебя последнее желание, если бы рядом с тобой разорвалась русская бомба?
— Чтобы рядом со мной стоял Гитлер...

●

— Почему вы плачете, фрау Энзель? Ведь вашего мужа произвели в генералы?
— Ах, не говорите! Все-таки лучше быть женой полковника, чем вдовой генерала...

●

— Ты читал, Фриц, статью Геббельса о нервах немецкого солдата?
— Нет. Я теперь стал такой нервный, что не могу читать статьи Геббельса!

●

— Представь, Минна, мой Гельмут приехал в командировку, зашел на кухню и упал в обморок.
— Отчего же?
— Он увидел котел...

●

Учитель:
— Ганс, проспрягайте мне глагол «бежать».
— Я бегу, ты бежишь, он бежит, мы бежим, вы бежите...
— А они?
— Они наступают, господин учитель.

●

«АЛЛЕЯ ПОБЕД»

Рисунок Мечислава ПИОТРОВСКОГО (Польша)

Станислав Рышард ДОБРОВОЛЬСКИЙ

НА ПОХОРОНЫ!

Уже от Кюстрина и Франкфурта-на-Одере вдоль всех дорог, ведущих в Берлин, тянется внушительное траурное оформление, воздвигнутое организаторами похорон великого вождя Германии.

Живописно разбросаны по полям и канавам разбитые танки, пушки, автомашины. На придорожных столбах виднеются многочисленные портреты покойного, подобные тем, которые мы так часто видели еще при жизни фюрера в «Шпильках». Учитывая особые заслуги усопшего, карикатуристы потрудились на совесть. Под портретами помещены многочисленные цитаты из речей фюрера с соответствующими русскими и польскими комментариями. Особенно часто повторяется гениальная мысль Адольфа: «Я вам покажу!» Общий тон польско-русских комментариев прекрасно соответствует духу великого погребального мероприятия. Дорожные некрологи пестрят такими проникновенными титулами, как каналья, мерзавец, подлец, вор, бандит, пират, убийца, скотина, а также призывами: «Даешь Берлин!»

Шоссе, автострады, пути и тропинки заполнены спешащими на похороны людьми в костюмах цвета хаки. Наш скромный редакционный «Паккард» с трудом пробивается через многотысячную толпу желающих отдать последние почести создателю «нового порядка» в Европе. Чтобы не опоздать на необыкновенное торжество, люди не особенно выбирают виды транспорта — едут на танках, грузовиках, лошадях. На лицах едущих написано огромное желание поскорее увидеть бренные останки вождя «третьего рейха».

В предместьях Берлина стоят прекрасные опустевшие виллы и дворцы. Сколь дальновидны и практичны были их хозяева: специально освободили помещение для приема ожидаемых гостей.

Обращает на себя внимание удивительный обычай местных жителей: траур выражают здесь не черным, а белым цветом. Со всех окон Берлина свисают на жердях, развеваются по ветру простыни и другие постельные принадлежности. Но не будем удивляться: каждая страна имеет свои обычаи...

У ворот столицы нас встречают залпы почетного караула: это «катюши» провожают в последний путь фюрера национал-социализма...

Репортаж был опубликован в журнале «Шпильки» в мае 1945 года.

Катарина ЛАЗАРОВА

ВСТРЕЧА

Украинец Владимир Коколюш, человек пятнадцати лет от роду, в середине июня 1945 года дошел до Братиславы, держа путь из Западной Германии. Он не хотел дожидаться репатриации в бывшем концентрационном лагере, куда попал еще тринадцати лет, а потому ушел оттуда сам. Шел и шел, все на восток, домой!

В Братиславе было тогда несколько репатриационных пунктов, но Володька явился в Союз партизан. Ему повезло. На другой день он мог уехать транспортом до Дебрецена, а оттуда уже домой, на Украину.

За те три часа, что мы вместе бегали по разным военным управлениям, он рассказал мне о семье, концентрационном лагере, в котором чуть не пропал. Был он приятным русоволосым хлопцем, на лице которого было написано все, что он пережил за эти два страшных года. Но глаза были веселые, и веселой была речь. Домой идет человек!

Через двадцать четыре часа после его ухода в ту же самую комнату в Союзе партизан пришел украинец в штатском. Он ждал несколько часов, пока дойдет до него очередь, чтобы попросить помощи — как ему двигаться дальше, на запад. Сам он с Украины, то едет на попутных машинах, то идет пешком. Хочет попасть...

— В Германию?

— Да.

Это был первый гражданский человек, который хотел попасть в Германию.

— А зачем?

— Сына искать...

Два года назад сына забрали гитлеровцы и увезли. Но он знает, что сын жив, хочет его найти и найдет.

— Подывытесь, який гарный хлопец...

Пораженные, мы смотрим на фотографию.

— Так ведь это Володька Коколюш! — вскрикнула я.

Старшего Коколюша охватило неописуемое волнение. Да, да, это его Володька. Откуда мы его знаем? Где он?

Когда я ему рассказывала, что сын был здесь, что он уже на пути домой, отец заплакал.

В советской военной комендатуре нашли список. В нем значилось: «Владимир Владимирович Коколюш». Все совпадало — имя, дата рождения, место рождения

— Тильки мы вже там не живем,— озабоченно заметил старший Коколюш.— Все враги спалылы. Як вин доберется до дому?

Тут мы громко рассмеялись — капитан Давыдов и я. Володька Коколюш, который добрался из Западной Германии до Братиславы, да не разыщет дома?

Заулыбался и старший Владимир Коколюш. А часом позже мы узнали, что транспорт из Дебрецена еще не ушел и его можно догнать на военной машине.

Когда мы расставались, отец вдруг спросил меня, как выглядит Володька, вырос ли...

И снова мы рассмеялись. Ведь я видела Володьку Коколюша единственный раз в жизни. Так мы и расстались со смехом, хотя у обоих были слезы на глазах.

Перевод со словацкого В. ГРИНЮК.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ...

И. АСАДУЛЛИН, подполковник запаса

ДЕПЕША

Войска 3-го Украинского фронта полностью разгромили сильную группировку врага, окруженную южнее села Котовское. Наши части устремились к советско-румынской границе, а я, корреспондент фронтовой газеты, направился в редакцию.

Шагаю по узкой полузаросшей полевой дорожке, обдумываю содержание своей будущей корреспонденции о только что закончившемся бое. Кругом — высокие, в рост наездника, кукурузные плантации. Тишина. Если не брать во внимание дымящиеся на косогоре танки и опрокинутые вверх колесами тяжелые орудия, можно подумать, что здесь ничего и не произошло.

И вдруг из зарослей кукурузы выскакивает некий субъект в нательной рубашке и без головного убора. Лицо грязное, обросшее рыжей щетиной. Трудно понять, кто он.

Субъект молча показывает на свою грудь.

Ба! На грязной рубашке химическим карандашом написано: «Гитлер капут! Плен!» Так вот оно что: передо мной бродячий гитлеровец!

— Кто же тебя так разукрасил?— спрашиваю его по-немецки.

В ответ он достает из кармана какую-то бумажку.

— Мура-тов! Ефрейтор Муратов!— говорит он, несколько опасаясь.

«Село Котовское, сержанту Яппарову»,— читаю я на одной стороне бумажки. А на другой — убористым почерком по-башкирски: «Дорогой земляк! Прими, пожалуйста, и этого пленного с должными почестями, если он дойдет до тебя благополучно. Извини, что не смог сопровождать его лично... До встречи в Бухаресте! Твой Ф. Муратов».

Я вдоволь насмеялся, читая это забавное послание, потом спросил:

— А почему вы не сдались в плен вместе со всеми?

Солдат, испуганно заикаясь, начал рассказывать, что он — повозочный хозяйственной роты. Как только запела «Катюша», без памяти свалился с повозки, а когда пришел в сознание, бой уже закончился. Потом он один направился к большаку, где и встретил нашего ефрейтора.

— А разве ефрейтор Муратов написал что-то не так? — умоляюще посмотрел он на меня.

— Да нет,— успокоил я его,— все нормально. Пошли, надо спешить, а то может случиться, что у сержанта выйдут часы приема...

В комендатуре мы попали к самому Яппарову. Увидев пленного, он заупрямился, не захотел принимать, видимо, некуда было его девать. Лишь прочитав депешу, сменил гнев на милость.

— Ну и жук этот Фарит, сегодня уже пятое письмо посылает! Находит и почтальонов... Минута в минуту доставляют.— И, взглянув на неказистого пленного, добавил: — Битте-дритте, пожалуйста, мой дорогой, недобитый!..

— Посвящаю этот залп нашей «Катюше».

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

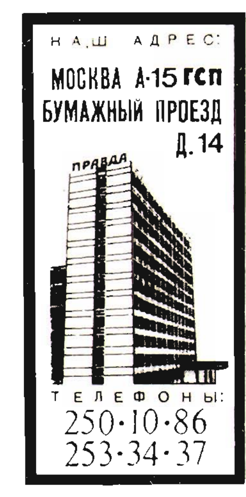
КРОКОДИЛ

№ 12 (1950)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, Е. Гаврилин, А. Грунин, Л. Самойлов, Ю. Узбяков, Ю. Федоров, А. Щербан.



Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ (художественный редактор)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

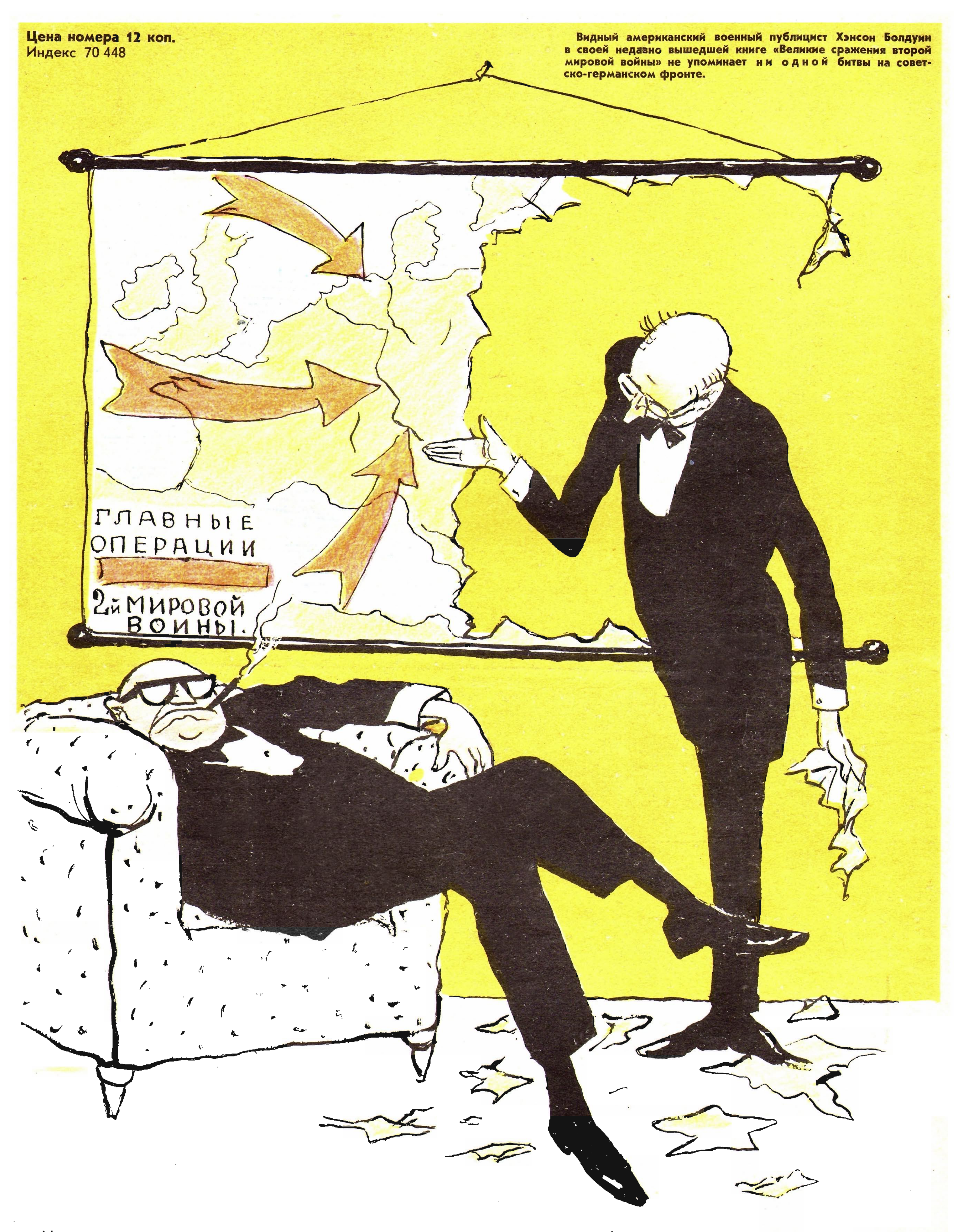
Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 9/IV 1970 г. А 00051. Подписано к печати 17/IV 1970 г. Формат бумаги 70 × 108⅛. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 750 000 экз. (1 завод: 1 — 4 178 750). Изд. № 646. Заказ № 1057.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70 448

Видный американский военный публицист Хэнсон Болдуин в своей недавно вышедшей книге «Великие сражения второй мировой войны» не упоминает н и о д н о й битвы на советско-германском фронте.



— Наконец-то, сэр, мне удалось восстановить полную картину событий.

Рисунок **КУКРЫНИКСЫ**